

Глава 3

Губы Лу Хуайцзиня были словно наэлектризованы. Где бы они ни касались, вспыхивал огонь. В тот момент, когда они коснулись шеи Вэнь Иньхэ, этот маленький участок нежной кожи мгновенно загорелся, и приятная дрожь пробежала по всему затылку, словно взрыв.

Его возлюбленный был настойчив и прямолинеен в постели, он любил оставлять следы на теле Вэнь Иньхэ, причём в самых видных местах, словно зверёк, метящий свою территорию. Это было одновременно и сладко, и сводило с ума.

И эта «дурная» привычка со временем перекочевала из постели в повседневную жизнь. Теперь этот человек то и дело любил оставить на теле Вэнь Иньхэ пару укусов, поставить свою «печать», а затем с удовлетворением наблюдать, как тот краснеет до кончиков ушей, не в силах ничего с ним поделать. Он был просто неисправим.

И вот, раз уж его возлюбленный отдал приказ, Вэнь Иньхэ, конечно же, не мог ослушаться.

Мужчина одной рукой подхватил Лу Хуайцзиня под бёдра, другой придерживал за спину. Напрягшись всем телом, он с лёгкостью поднял высокого, крепкого мужчину ростом под метр девяносто и без лишних слов понёс его в ванную.

Зрители в чате, ещё не оправившись от шока, были снова поражены и, заикаясь, с трудом выдавили:

[Я... я... я в шоке, какая талия!]

Лу Хуайцзинь краем глаза заметил, что за ними наблюдают, но, не обратив на это никакого внимания, повернулся и легонько прикусил ухо Вэнь Иньхэ. Его дыхание было горячим, а тихий, томный смех вырывался из груди, не зная преград:

— Забыл сказать, малыш, вчера ты был великолепен.

У Вэнь Иньхэ покраснела не только шея, но и всё за ушами. Его талия, удостоившаяся похвалы, невольно напряглась. То ли от смущения, то ли от нахлынувших воспоминаний о прошлой ночи.

Низкий, магнетический смех Лу Хуайцзиня стал ещё громче. Он просто обожал эту невинную и в то же время страстную сторону своего мужчины. Этот человек даже не догадывался, насколько он соблазнителен:

— Столько лет прошло, а ты всё такой же стеснительный. Такой милый.

А Лу Хуайцинъ и не подозревал, что в глазах Вэнь Инъхэ он разжигает не меньший пожар.

Вэнь Инъхэ, не в силах больше терпеть, ускорил шаг, вошёл в ванную, захлопнул за собой дверь и, не теряя ни секунды, прижал его к умывальнику, впиваясь в его губы, чтобы проглотить последний слог его фразы.

В ванной их уже не было видно.

Оператор хотел было ещё немного поснимать, но вскоре из-за двери послышались двусмысленные звуки воды, такие громкие, что их не могла заглушить даже закрытая дверь.

Если он не уйдёт, трансляцию могут заблокировать. Оператор, покраснев и с колотящимся сердцем, поспешил ретироваться.

Зрители в чате, казалось, наконец пришли в себя:

[Постойте, рост директора Лу ведь больше 185 см? И его можно так просто поднять???)

[Вот это мужская сила, я в обмороке от восторга.]

[Подождите, а почему директор Лу так привычно принял эту позу? А? Это вообще нормально???)

Наступила тишина, и наконец до кого-то дошло:

[Чёрт, а-а-а! Я всё перепутал! (головокружение) (боль) (ворон садится на самолёт) (катаюсь по полу) (корчусь) (взрываю Солнечную систему)]

[Не смею открыть глаза, надеюсь, это моя галлюцинация qа q... Думал, это жена, а оказалось — муж! (запрокидываю голову)]

[У-у-у, я семь лет шипперил не тех, почему ты не мог сказать мне об этом после моей смерти (схожу с ума)]

[Всё, теперь, когда всё наоборот, стало ещё интереснее, что делать?!]

[Кто умер от восторга, я не скажу, а-а-а! Красивый актив и крутой пассив — это просто бомба, слюнки текут! Настоящие мужчины должны быть с самыми мужественными мужчинами!]

Внизу, увидев, как оператор в панике сбегает с лестницы, ведущий подумал, что тот снял что-то сенсационное, и поспешил к нему. Но, выслушав его, он лишь странно скривился.

Семь лет в браке, и всё ещё такие нежности. Это вообще нормально?

Чёрт, они же снимают брачное шоу, а не программу для демонстрации семейной идиллии!

К счастью, парочка наверху, зная, что внизу их ждут гости, не стала затягивать. Вскоре Лу Хуайцзинь, приведя себя в порядок, спустился вниз.

— Простите, что заставили вас ждать, — произнёс он.

Его голос отличался от мягкого и чистого, как нефрит, голоса Вэнь Иньхэ.

Вэнь Иньхэ, будучи актёром, обладал безупречной дикцией. Каждое слово он произносил чётко и благозвучно, словно пел. Слушать его было сплошным удовольствием, его голос успокаивал и расслаблял.

Голос же Лу Хуайцзиня, человека властного, был низким, холодным и раскатистым. Он внушал трепет и в то же время вызывал доверие.

Услышав его, хотелось невольно выпрямиться, напрячься, остерегаться его, бояться, а затем — подчиниться и следовать за ним.

Идеальным дополнением к его низкому, магнетическому голосу были его почти невыразительные, резкие черты лица и глубоко посаженные глаза.

От природы у него был высокий нос и тонкие губы, а выступающие надбровные дуги бросали тень на тёмные, холодные глаза. Серьёзность и молчаливость были его обычным состоянием, поэтому даже в расслабленном состоянии он выглядел суровым, как зимняя звезда. Каждая линия его лица кричала об отчуждённости и пренебрежении, заставляя людей держаться на расстоянии.

Сейчас Лу Хуайцзинь, одетый в идеально скроенный жилет, строгую рубашку и элегантный однотонный галстук, держа за руку Вэнь Иньхэ, спускался по лестнице.

Если бы не то же самое лицо, никто бы и не подумал, что этот холодный, как лёд, мужчина, от одного взгляда на которого бросало в дрожь, совсем недавно нежился в объятиях своего возлюбленного и выпрашивал поцелуи.

И только когда его взгляд мельком касался стоявшего рядом любимого, его суровые черты на мгновение смягчались.

[Голос директора Лу тоже такой обворожительный! Но он так похож на начальника, страшно
qa q.]

[Простите, у меня ноги подкашиваются. Мне сразу на колени падать? Или сначала поклониться?]

[А-а-а, наконец-то я вижу своего мужа в полный рост! Какой же он красивый, спасите! Я не могу дышать!]

[Твой муж в объятиях киноимператора играет роль жены, эх! И это твой муж~~~ (язвительно)]

[Да заткнись ты! И так тошно, что всё перепутал! Ещё и ты со своими напоминаниями!]

[Почему директор Лу так тепло одет! Не одобряю! Мы же не чужие!]

[Тц-тц-тц, сразу видно, что вы ничего не понимаете. От одной мысли, что директор Лу в таком виде оказывается под киноимператором, у меня всё взрывается!]

[Чёрт, директор Лу такой крутой! Вот это сильный пассив!]

Наверное, некоторым людям на роду написано быть рабами. Едва Лу Хуайцзинь появился, как вся съёмочная группа, до этого умиравшая с голоду и готовая вылизать тарелки, тут же вскочила на ноги. Все стояли, как вкопанные, не зная, куда деть руки.

— Здравствуйте, директор Лу, — наконец, собравшись с духом, они с трудом выдавили эти три слова.

[Смешно, не могу, какие же они недотёпы.]

[Не смешно. Я, когда встречаю высшее руководство, выгляжу не лучше.]

[Честно говоря, то, что они не упали на колени, уже подвиг. Дети, которые ещё не работали, могут представить себе, что их окружили все их классные руководители с каменными лицами (слёзы).]

[Чёрт, парень сверху, не говори так, это же фильм ужасов.]

[Как бы то ни было, директор Лу хотя бы красивый! Красота — это справедливость! облизываюсь~]

— Раз пришли, значит, гости. Садитесь, — кивнул директор Лу.

Вся съёмочная группа неловко опустилась на свои места, втайне вытирая пот со лба. Аура у директора Лу была действительно мощной, казалось, даже воздух стал плотнее.

Пара поздоровалась со всеми и отправилась на кухню за завтраком.

Вэнь Иньхэ, заметив мокрые манжеты Лу Хуайцзиня, тут же достал из кармана две подтяжки для рубашки, отрегулировал их длину, подошёл и лично закрепил их на его плечах, аккуратно поправив длину рукавов.

Лу Хуайцзинь, глядя на сосредоточенное и прекрасное лицо мужчины, удивлённо сказал:

— Я-то думаю, куда они утром пропали. Оказывается, у тебя.

Вэнь Иньхэ мягко объяснил:

— Я их утром постирал, а когда забирал, машинально сунул в карман. Как раз сейчас и надену на тебя.

Лу Хуайцзинь усмехнулся:

— И зачем ты их стирал.

При этих словах Вэнь Иньхэ вдруг замер и многозначительно посмотрел на него.

— Что такое, что за взгляд... — Лу Хуайцзинь, не договорив, вдруг что-то вспомнил, цыкнул и слегка покраснел.

Чёрт, вспомнил.

Вчера вечером он снял подтяжки, одну надел на шею Вэнь Иньхэ, а другую — на его бедро.

Шея и бёдра Вэнь Иньхэ были белоснежными. Изящный, хрупкий кадык и сильные, мускулистые бёдра в сочетании с тёмными подтяжками создавали образ прекрасного, но пленённого зверя, и это зрелище было невероятно возбуждающим. Лу Хуайцзиню это до смерти нравилось.

После этого и он, и Вэнь Иньхэ были на взводе.

Особенно Лу Хуайцзинь, который был готов умереть в объятиях Вэнь Иньхэ.

Он одной рукой сжимал подтяжку на шее Вэнь Иньхэ, а другой — на его бедре, глубоко проникая в его объятия.

Неудивительно, что эти штуки оказались у Вэнь Иньхэ, ведь они провели с ним всю ночь.

И вот теперь подтяжки, сохранившие тепло тела Вэнь Иньхэ и горячие воспоминания о прошлой ночи, вернулись к своему владельцу.

Лу Хуайцзинь почувствовал, как горят его руки. От одного взгляда на эти две подтяжки у него подкашивались ноги.

Вэнь Иньхэ, видя его состояние, понял, что он всё вспомнил.

Вчера... они оба немного потеряли контроль. У него на бедре даже остались красные следы от ногтей Лу Хуайцзиня.

К счастью, Лу Хуайцзинь, после того как в их первую ночь поцарапал его, очень переживал и с тех пор каждую неделю аккуратно стриг ногти, чтобы больше не поранить его.

Забавно вспоминать, как на следующее утро после их первой ночи они обрабатывали друг другу раны: он — Лу Хуайцзиню внутри, а Лу Хуайцзинь — ему снаружи. Каждый раз, вспоминая это, он не мог сдержать улыбку.

Столько лет прошло, а директор Лу всё такой же неудержимый.

При этой мысли у Вэнь Иньхэ тоже загорелись уши. Он незаметно сменил тему:

— Ты и на шоу собираешься так одеваться? Тебе не будет неудобно?

— Нет, я уже привык, — сказал Лу Хуайцзинь и с непонятной интонацией хмыкнул. — К тому же, я должен так одеваться.

Вэнь Иньхэ:

— М?

Лу Хуайцзинь повернулся и поманил его пальцем.

Ресницы Вэнь Иньхэ дрогнули. Он с беспомощной улыбкой подошёл и поцеловал Лу Хуайцзиня в уголок губ, вздохнув:

— Ну что, теперь можно?

Лу Хуайцзинь с удовлетворением ущипнул Вэнь Иньхэ за подбородок, его губы изогнулись в лёгкой улыбке, а в прищуренных глазах блеснул лисий огонёк:

— Спорим, те, кто смотрит нас в интернете, уже сто раз представили, как ты меня раздеваешь.

Вэнь Иньхэ: «...»

Вэнь Иньхэ медленно расширил глаза.

Лу Хуайцзинь, играя ложкой, с ленивым и расслабленным видом, в котором чувствовалась уверенность стратега, произнёс, и в его голосе, словно крючок, цеплялся соблазн:

— Этим людям... им нравится видеть, как таких сильных, высокомерных и безупречно одетых властителей, как я... приводят в беспорядок.

Вэнь Иньхэ... Вэнь Иньхэ был в шоке!

Как и ожидалось от директора Лу. Дома он соблазняет его, а в интернете — ещё и зрителей.

Этим зрителям...

Повезло.

Снаружи, в чате:

[А!!! Кто-нибудь, уймите их! О чём они там шепчутся! Что, так трудно пельмени разложить? Может, вы там прямо на кухне и кастрюлю съедите, а потом выйдете!]

[Какие такие секреты, которые я, почтенный VIP 10 уровня, не могу услышать? Я уже по полу катаюсь от нетерпения!]

[Где мой придворный оператор? Что вы все застыли? Лишаю тебя премии! [гнев][гнев][гнев]]

Ведущий: «...»

Да вы издеваетесь! Подслушивать у директора Лу? Да он с ума сошёл!

К тому же, эти двое явно говорят о чём-то личном. Если он подойдёт ближе, трансляцию, скорее всего, заблокируют за контент для взрослых!

Через некоторое время пара наконец вышла из кухни. Кроме того, что на руках Лу Хуайцзиня откуда-то появились подтяжки для рубашки, вызвав волну восторгов в чате, оба выглядели совершенно спокойно, без каких-либо заметных изменений.

Ведущий: «...»

Ну и притворщики.

Следующие несколько минут Лу Хуайцзинь разговаривал со съёмочной группой и одновременно завтракал.

Точнее, в основном говорил Лу Хуайцзинь, а съёмочная группа отвечала.

Он задавал вопросы, связанные с бытовыми моментами, и благодаря тому, что Вэнь Иньхэ время от времени разряжал обстановку, всё прошло не так уж и неловко.

Ведущий не осмеливался смотреть в лицо Лу Хуайцзиню и вместо этого уставился на его руки, держащие палочки.

Он видел ту самую фотографию, которая сделала Лу Хуайцзиня знаменитым. Комментарии тогда разделились на три лагеря: тех, кто восхищался его лицом, тех, кто восхищался его грудью, и тех, кто восхищался его руками.

И вот, присмотревшись, он понял, что руки действительно красивые. В отличие от нефритовой гладкости рук Вэнь Иньхэ, в них чувствовалась некая суровость и опыт. Костяшки были более выраженными, а на большом пальце даже виднелся шрам. Это были руки не изнеженного аристократа.

Ведущий, вспомнив, что ему было известно о прошлом Лу Хуайцзиня, невольно вздохнул. Некоторые люди, даже если им не суждено родиться в богатстве, могут силой изменить свою судьбу.

В следующую секунду его взгляд был перекрыт другой, более мягкой и большой рукой.

Ведущий: «?»

Он поднял глаза и увидел, что Вэнь Иньхэ почему-то вдруг взял Лу Хуайцзиня за руку.

Лу Хуайцзинь мягко спросил:

— Что случилось?

Кончики ушей Вэнь Иньхэ покраснели. Он опустил голову, улыбнулся и смущённо сказал:

— Ничего, просто твои руки такие красивые, захотелось потрогать.

Лу Хуайцзинь был тронут до глубины души, но внешне этого не показал. Он лишь с нежностью вложил обе свои руки в руки Вэнь Иньхэ и впервые за всё время съёмок улыбнулся:

— Обе тебе, хватит, чтобы натрогаться?

Вэнь Иньхэ на мгновение замер, его уши вспыхнули. Он инстинктивно бросил взгляд на ошеломлённых гостей напротив, символически сжал обе руки Лу Хуайцзиня и быстро отпустил.

Лу Хуайцзинь, приподняв бровь, с усмешкой поддразнил его:

— И этого достаточно? М?

— Угу, — ответил Вэнь Иньхэ, покраснев. Затем, помолчав и встретившись с игривым взглядом Лу Хуайцзиня, в котором плескалась неприкрытая любовь, он не удержался и добавил: — В самолёте... мы сможем и дальше держаться за руки.

Ведущий: «...»

Простите, пожалуйста? У вас всё в порядке?

За всё время съёмок ведущий впервые почувствовал, каково это — быть накормленным собачьей едой.

[Простите, это всё ещё «Давай разведёмся»? Я не ошибся адресом? Почему мне кажется, что я смотрю брачное шоу?]

[Чёрт побери, какой ещё «А-Ли»? Наш «А-Ян» всегда был настоящим брачным шоу! Столько лет прошло, и наконец-то нашлась пара, которая восстановит доброе имя нашего шоу, у-у-у!]

[Директор Лу, я всегда думал, что вы — ледяная гора! Мои иллюзии разбиты.]

[Для нас — ледяная гора, для киноимператора — вулкан, всё правильно (закуриваю).]

[Умираю со смеху, у ведущего лицо перекошило. Редко увидишь, чтобы даже ведущий не мог сдержаться.]

[А-а-а, как мило! Признаю, я падок на такое! Хотя я и пришёл посмотреть на скандал, но я просто обожаю такую сладость! Как же они подходят друг другу! Ещё, ещё!]

[Да ладно, нашлись те, кто шипперит человека с таким прошлым. У интернета действительно короткая память.]

[??? Ты что, самый умный? Полиция же сказала, что киноимператор не имеет к этому никакого отношения. Ты что, умнее полиции? Да, ты самый умный в мире, успокойся~~~]

[Ого! Первая ссора на «А-Ли»! Деритесь! Деритесь!]

В чате кто-то умилялся, кто-то спорил, а кто-то просто наблюдал за происходящим. В общем, Лу Хуайцинъ добился той популярности, к которой стремился.

А ведущий втайне сокрушался, что в этом сезоне в шоу пришли два человека, с которыми лучше не связываться.

Утром съёмочная группа закончила съёмки, пообедала в местном ресторане, а после обеда вместе с парой отправилась в аэропорт.

Вечером самолёт прибыл на место съёмок.

На следующее утро «Семилетний зуд: Второй сезон» официально начался

<http://bllate.org/book/13414/1193970>